

ВАЛЕРИЙ ГАНИЧЕВ

НАШИ НОБЕЛЕВСКИЕ ЛАУРЕАТЫ

Нобелевская премия в области литературы для России, наверное, носит особый характер. В ней, как в никакой другой, проявились веяния эпохи, точки зрения различных общественных сил. На присуждение влияло и западное понимание свободы творчества, и всякого рода политические взгляды, и прагматические расчеты. Если в естественнонаучной сфере существует довольно чёткий критерий оценки достижений – и премий за них, то в литературе *поле оценок* было если не безмерно, то крайне обширно и противоречиво.

Иной раз жюри приходилось сталкиваться и с нежеланием писателей премию принять. Так, первую премию (1897 г.) предполагалось присудить Л. Н. Толстому (по завещанию самого Нобеля!). Узнав об этом, Лев Николаевич обратился с открытым письмом в газету “Стокгольм Тагеблат”, предлагая присудить не ему, а преследуемым правительством духоборцам. В 1902 году Август Стринберг, Сельма Лагерлеф протестовали, что премия не присуждалась Толстому. В 1906 году снова рассматривался вопрос о присуждении Толстому Нобелевской премии. Писатель обратился к одному из своих знакомых в Стокгольме (Ерлфельту), чтобы тот сообщил председателю, что ему придется публично отказаться, если такое решение будет принято.

Иван Алексеевич Бунин

Мало кто может отрицать, что присуждение Нобелевской премии Ивану Алексеевичу Бунину в 1933 году *не было связано* с тем, что он был эмигрант из Советской России и резко отзывался о революции и её последствиях. Но вот что важно: даже если убрать эту составляющую, то присуждение было справедливой оценкой творчества писателя. Ведь ещё до революции Чехов, Горький, Толстой высоко отзывались о Буине. Он получил тогда две Пушкинские премии. Его избирали почётным академиком Российской академии наук.

Неважно, чем руководствовался Нобелевский комитет, но он угадал, что Иван Бунин обладал высочайшим художественным талантом, мастерством подлинного национального писателя, величайшим умением сотворить словесный образ природы, характера, внутренний мир человека.

Иван Алексеевич тщательно описал церемонию вручения: эстрада, “украшенная мелкими бегониями”, “ордена, ленты, звёзды, светские туалеты дам”, “король не любит чёрного цвета, при дворе не носят тёмного”. Король “протягивает мне картон и футляр, где лежит медаль, затем пожимает мне руку и говорит несколько слов. Вспыхивает магния, меня снимают. Я отвечаю

Статья написана на основании выступления на собрании, посвящённом русским лауреатам Нобелевской премии, в Академии народного хозяйства.

ему. Аплодисменты прерывают наш разговор...” Писатель заканчивает эту запись заметкой о дипломе: “Мой диплом отличается от других. Во-первых, папка не синяя, а светло-коричневая, в во-вторых, что в ней написана (написаны) в русском билибинском стиле две картины” — особое внимание со стороны Нобелевского комитета. Никогда никому этого ещё не давалось”.

Вручение производилось “за правдивый артистический талант, с которым он воссоздал в художественной прозе типичный русский характер”.

В очерке “Нобелевские дни” Бунин ярко описал обстоятельства, при которых он получил известие о премии, своё пребывание в Стокгольме и церемонию вручения.

Не следует забывать, что Бунин был отмечен Шведской академией после Кнута Гамсуна (1920), Анатоля Франса (1921), Бернарда Шоу (1925), Томаса Манна (1929), Синклера Льюиса (1930), Джона Голсуорси (1932). На вопрос корреспондента газеты “Матен”, за какое именно произведение он получил премию, Иван Алексеевич ответил: “Возможно, за совокупность моих произведений. Я, однако, думаю, что Шведская академия хотела увенчать мой последний роман “Жизнь Арсеньева”.

Бунин меланхолично отметил: “Обычно украшают эстраду флаги всех тех стран, к которым принадлежат эти лауреаты. Но какой флаг имею я лично, эмигрант? Невозможность вывесить для меня флаг советский заставила устроителей торжеств ограничиться ради меня одним шведским. Благодарная мысль!”

Бунин описывает, что в зале звучала музыка Бетховена и Грига, “любимого моего композитора”. После речи секретаря академии Гальстрема Бунин спустился с эстрады, где он сидел с другими соискателями, и получил премию из рук короля, “который приветствовал меня, — писал Бунин, — и в моём лице всю русскую литературу”.

Дальше, уже на банкете Нобелевского комитета, писатель произнёс нобелевскую речь. Хотелось бы выделить три мысли Бунина. Первая — это было “наиболее сильное впечатление во всей моей жизни”. Вторая — “скорби, испытанные мною за последние пятнадцать лет, далеко превышали мои радости. И не личными были эти скорби — совсем нет!” И третья: “Вне сомнения, вокруг этого стола находятся представители всяческих мнений, всяческих философских и религиозных верований. Но есть нечто незыблемое, всех нас объединяющее: свобода мысли и совести, то, чему мы обязаны цивилизацией. Так для писателя эта свобода необходима особенно, — она для него догма, аксиома”.

Да, для Бунина это было наиболее сильное впечатление жизни. Его взгляды, казалось, были прежними, но в “Дневниках” 1941—45 годов он переживает за Россию, за тогдашний Советский Союз, скорбит, когда наша армия отступает, отмечает города, по которым ходил когда-то. 8 декабря 1941 года: “В России 35-градусный мороз, русские атакуют и здорово бьют. ...ощущается невероятное напряжение боёв под Москвой”. И до этого он пишет 11 октября: “Самые страшные дни для России. Идут страшные бои, немцы, кажется, бросили все свои силы, русские вот-вот перейдут в наступление”. С какой радостью пишет в 1943—44 гг.: “Русские берут город за городом. Ныне Рославль и Смоленск (25.9). Посмотрел свои заметки о прежней России. Всё думаю, если бы дожить, попасть в Россию”.

И что потрясающе в эти дни — он читает и читает “Петра I” Алексея Толстого. Отметил одним словом — талант. 2 августа читает 3-ю книгу “Тихого Дона”. Пишет — “талантлив, груб в реализме”.

“26.7 началось русское наступление... Витебск и Жлобин. Взята Одесса. Радуюсь. Как всё перевернулось. 20.7. Русские идут, идут”.

И. Бунин сказал К. Симонову в 1946 году: “Вы должны знать, что 22 июня 1941 года я, написавший всё, что писал до этого, в том числе “Окаянные дни”, я по отношению к тем, кто ныне ею правит, навсегда вложил шпагу в ножны” (т. 6, стр. 423). Это что касается полемики, или идеологии. Что же до творчества, оно навсегда осталось в сокровищнице русской литературы, а Нобелевская премия закрепила это.

Ну, а если вспомнить о материальной стороне премии, то она быстро испарилась. Из 800 тыс. франков премии 120 тыс. франков Бунин выделил в помощь нуждающимся литераторам, распределение которых вызвало недовольство в эмигрантских кругах. Но уже вскоре он пишет: “Я нищ, не купил ни

землю, ни дом”, но он купил мощный радиоприёмник, по которому слушал Москву в 1941–45 гг.

Борис Пастернак

До Второй мировой войны обсуждались на Нобелевскую премию кандидатуры М. Горького, Д. Мережковского, И. Шмелёва, М. Шолохова. Мережковский даже предлагал Бунину разделить премию, на что Иван Алексеевич, естественно, не согласился. Ну, а М. Горький возвратился из Италии в Советский Союз, и организаторы премии, по-видимому, посчитали её вручение советскому писателю некорректным. Ведь наступала угроза фашистской Германии, и вступать в противоречие с ней было опасно.

После разгрома Германии трудно было не заметить русскую или советскую литературу. Стали обсуждаться кандидатуры М. Шолохова, позднее Б. Пастернака. Но прозвучала речь Черчилля в Фултоне, началась “холодная” война, и кандидатура Шолохова отодвинулась. Было бы наивно не замечать в то время влияние “холодной” войны, тем более что премию в области литературы присудили отцу “холодной” войны У. Черчиллю. Естественно, что советская пресса в этом случае не поскупилась на отрицательные оценки премии. Так в БСЭ после этого было написано: “Присуждение нобелевских премий в области литературы нередко определяется интересами реакционных кругов”. О политической подоплёке таких премий писала и европейская пресса.

Конечно, такие оценки не могли не беспокоить Нобелевский комитет, и он в целях “объективности и беспристрастности” обратился к старейшему русскому писателю, академику АН СССР Сергею-Ценскому с просьбой предложить кандидата на Нобелевскую премию “не позднее февраля 1954 года”. Сергей-Ценский подготовил и написал большое письмо-представление: “Считаю за честь предложить в качестве кандидата на нобелевскую премию по литературе за 1953 год... Михаила Александровича Шолохова. Действительный член Академии наук СССР Михаил Шолохов, по моему мнению, как и по признанию моих коллег и читателей масс, является одним из самых выдающихся писателей моей страны. Он пользуется мировой известностью как большой художник слова, мастерски раскрывающий в своих произведениях движения и порывы человеческой души и разума, сложность человеческих чувств и отношений. “Тихий Дон” и другие произведения Шолохова вышли в СССР до 1 января 1954 года в 412 изданиях на 55 языках. Общий тираж 19 млн 947 тыс. Всё это свидетельствует об их необычайной популярности”. Письмо раскрывало суть “Тихого Дона” как “классического произведения нашей литературы”.

По традициям тех лет письмо было показано в ЦК партии и было отослано в Стокгольм. В марте 1954 года Нобелевский комитет ответил Сергею-Ценскому и сообщил, что он “с интересом принял предложения присудить премию М. А. Шолохову”, но письмо пришло, по мнению комитета, после 1 февраля, то есть поздно (хотя в письме С.-Ценскому говорилось, что оно должно прийти не позднее февраля). Далее комитет писал: “Однако Шолохов будет выдвинут в качестве кандидата на Нобелевскую премию за 1955 год (то есть в 1956 году)”. В 1955-м же году Нобелевскую премию получил исландский писатель Халлдор Лакснесс, человек левых убеждений и большой друг нашей страны. В 1956 году премия же была присуждена испанскому поэту Хименесу... Вопрос о присуждении премии обострился в 1957 году. 15 ноября 1957 года, переведённый на итальянский язык, увидел свет роман Бориса Пастернака “Доктор Живаго” – роман, который не приняли советские издания, в частности, “Новый мир”. Далее, как по команде, последовал стремительный, почти одновременный перевод романа на английский, французский, норвежский, немецкий языки до конца 1957 года. Явно чувствовались следы серьёзной организации и дирижирования, а 24 августа 1958 года роман был принят Нобелевским комитетом как “произведение эпической русской традиции”. Правда, к этому времени на языке оригинала в России он был почти никому не известен, что потом и породило известную, почти сатирическую фразу: “Я роман не читал, но осуждаю его”. А где почитать? На Западе же послышалось мощное многоголосие: “Стагнация советской литературы длилась до появления “Доктора Живаго” (“Антология русской литературы от Горького до Па-

стернака”, Нью-Йорк, 1960), “бестселлер в Европе”, “Нобелевская премия против коммунизма” (“Нейс куир”. Вена). Впрочем, Набоков назвал роман “болезненным, бездарным, фальшивым”, а Грэм Грин – “нескладным, рассыпающимся, как колода карт”. Возможно, в этих отзывах была и доля ревности. Формулировка Нобелевского комитета “за значительные достижения в современной лирической поэзии, а также за продолжение традиции великого русского эпического романа”, во второй части многим знатокам литературы казалась не бесспорной.

Пастернак получил телеграмму от секретаря Нобелевского комитета 29 октября 1958 года и ответил ему: “Благодарю, рад, горд, смущён”. Семья обсуждала, как они поедут в Стокгольм, но разразился политический скандал. К Пастернаку приходил председатель Союза писателей К. Федин и посоветовал отказаться от Нобелевской премии, иначе откроется кампания против него. По свидетельству сына Пастернака, тот сказал, что он уже ответил Нобелевскому комитету и не собирается отказываться от премии.

Написал он письмо и в секретариат Союза писателей, в котором отметил, что считает, “что можно написать “Доктора Живаго”, оставаясь советским человеком... Я передал роман итальянскому коммунистическому издательству и ждал выхода цензурированного издания в Москве. Я согласен был выправить все неприемлемые места. Возможности советского писателя мне представляются шире, чем они есть. Отдав роман в том виде, как он есть, я рассчитывал, что его коснётся дружественная рука критика. Деньги Нобелевской премии я готов перевести в Комитет защиты мира. Я знаю, что под давлением общественности будет поставлен вопрос о моём исключении из Союза писателей. Вы можете сделать всё, что угодно – я вас заранее прощаю. Но не торопитесь... и помните: всё равно через несколько лет вам придётся меня реабилитировать”.

Его исключили из Союза писателей, но он оставался членом Литературного фонда и жил на даче этого фонда в Переделкино. Однако антипастернаковская кампания продолжалась, проходили так называемые “собрания общественности”, и отрицательная пропаганда сосредоточилась только на романе, хотя в первой части Нобелевского решения было сказано, что премия присуждается “за значительные достижения в современной лирической поэзии”. И тут талант поэта вроде бы не отрицался, тем более, что его поэмы “Девятьсот пятый год” и “Лейтенант Шмидт” были насыщены революционной романтикой. Одна из поэм была посвящена В. И. Ленину. Писал Борис Леонидович и стихи, восхваляющие Сталина. Возможно, это и вызвало яростную реакцию у Хрущёва. И, несмотря на обращения Джавахарлала Неру и Альбера Камю к Хрущёву, “барский гнев” продолжался. Пастернак вынужден был послать телеграмму в Шведскую академию. “В силу того значения, которое получила присуждённая мне награда в обществе, к которому я принадлежу, я должен отказаться. Не сочтите за оскорбление мой добровольный отказ”.

Будучи в угнетённом состоянии Пастернак проявил и высокое мужество. В ответ на выкрики и публикации о том, чтобы он покинул страну, Борис Леонидович направляет письмо Хрущёву: “Покинуть Родину для меня равносильно смерти. Я связан с Россией рождением, жизнью и работой”.

Он и продолжал работать до последних дней, уже прикованный к постели раком лёгких. В 1987 году решение об исключении Б. Л. Пастернака из Союза писателей было отменено. В 1988 году “Доктор Живаго” впервые был напечатан в СССР. В 1989 году диплом и медаль Нобелевского лауреата были вручены в Стокгольме сыну поэта Е. Б. Пастернаку.

Премия прославила писателя, дала ему широкую мировую известность, но её присуждение таким довольно прозрачно организованным способом вызвало критику и сомнение в объективности присуждения. Это вообще касалось отношения Запада к советской литературе. Так, в издании Х. Маклина и У. Викери писалось: “Западный читатель получал представление о советской литературе отнюдь не из самой советской литературы и даже не из критических обзоров. Его представление о советской литературе складывалось из газетных статей... о событиях московской литературной жизни. На Западе мы склонны обсуждать скорее... общественное поведение советских писателей... , чем говорить об эстетических достоинствах или стиле их творчества. Подлинно литературные произведения служили для нас чаще всего в качестве источников для социологических выводов. Литература в собственном

смысле не интересовала” (Maclean H. and Vickery W The Veroy. Protest. New York. P. 428).

О практике Нобелевского комитета резко высказался известный философ и писатель Жан Поль Сартр. Он направил в 1964 году Шведской академии письмо, в котором отказался от премии, называя ряд причин. “В нынешних условиях, – писал он, – Нобелевская премия объективно выглядит, как награда либо писателям Запада, либо строптивцам с Востока. Ею не увенчали, например, Пабло Неруду, одного из крупнейших поэтов Америки... Достоинно сожаления, что премию присудили Пастернаку прежде, чем Шолохову, и что единственное советское произведение, удостоенное награды, это книга, изданная за границей” (“Литературная газета”, 1964, 24 октября, с. 1).

Михаил Александрович Шолохов

Конечно, с повестки дня Нобелевского комитета вопрос о творчестве Шолохова, о “Тихом Доне” не снимался. Он обсуждался ещё до войны, когда вышли только три книги “Тихого Дона”. В 1958 году голос за Шолохова подал шведский принц Вильгельм, осуществляющий шефство над Пен-клубом. Благожелательные настроения среди шведских культурных деятелей в пользу Шолохова были довольно широкими.

Однако шум вокруг “Доктора Живаго” огорчил в СССР многих. Зазвучали требования разорвать всякие отношения с Нобелевским комитетом.

В ЦК КПСС была подготовлена записка о том, чтобы Шолохов демонстративно отказался от премии, присуждение которой используется в антисоветских целях (Центр хранения совр. документации, ф. 5, оп. 36, д. 61, х. 52).

Конечно, это был прямой отголосок “холодной” войны, хотя и в ответ на её выпад.

М. Шолохову стало известно об этом. Видимо, он решил не участвовать в отнюдь не в свободном для него выборе. Узнав, что в Москве находился вице-президент Нобелевского комитета, обсуждая в Союзе писателей возможность присуждения ему Нобелевской премии, писатель “укатил” в глушь, в казахстанские степи на охоту.

А в это время в мире развернулась довольно активная деятельность по утверждению выдвижения М. А. Шолохова на Нобелевскую премию.

Одним из номинаторов выдвигающих был Чарльз Сноу, который вместе с П. Х. Джонсон писал: “По нашему мнению, Шолохов создал роман, который является лучшим для целого поколения. Это “Тихий Дон” – реалистический пафос, достойный “Войны и мира”. Если не столь великий, как “Война и мир”, поскольку в нём нет той работы самосознания. однако достойный сравнения с “Войной и миром”.

Да, “Тихий Дон” потрясал общество своей высшей социальной, бескомпромиссной исторической правдой, драмой жизни, честностью и выразительностью образов главных героев, мощью народного языка. Его восприняли многие поколения советских людей и большинство читателей белой эмиграции.

На этот раз правящие верхи не вступили в идеологическую борьбу с Западом. На записке Отдела культуры ЦК (“...присуждение Нобелевской премии в области литературы тов. Шолохову М. А. было бы справедливым признанием со стороны Нобелевского комитета мирового значения творчества выдающегося советского писателя. ...отдел не видит оснований отказываться от премии, если она будет присуждена”) была резолюция: “согласиться с предложением Отдела” и подписи весьма значительных лиц Политбюро: П. Демичева, А. Шелепина, Д. Устинова, Н. Подгорного, Ю. Андропова и справка: “тов. Шолохову сообщено. 16.08. Г. Куницын”. Премия была присуждена.

Каждая из Нобелевских премий имеет особую формулировку. Так, Киплингу она присуждена “за мужественность стиля”, Хемингуэю – “за влияние стилистического мастерства”. Шолохову Нобелевская премия по литературе была присуждена, как значится в дипломе лауреата, “за художественную силу и честность, с которой он в своей донской эпопее отобразил историческую эпоху в жизни русского народа”.

15 октября 1965 года были оглашены имена Нобелевских лауреатов, среди них Михаил Александрович Шолохов.

Известие застало писателя в казахских степях, где он рыбачил и охотился. Он немедленно вернулся домой. Град вопросов был обращён в эти дни к великому писателю. 10 декабря во время церемонии вручения Нобелевской премии председатель Нобелевского комитета Шведской академии доктор Андерс Эстерлинк охарактеризовал творчество Шолохова, особо отметив его работу над «Тихим Доном». Эстерлинк отметил, что Шолохову надо было иметь большое мужество, чтобы в 21 год, в трудное время, начать свой великий роман о донском казачестве. «Его теперешняя Нобелевская премия, возможно, немного запоздавшая, но, к счастью, не совсем опоздавшая, и есть награда за это». Шолохов выступил на вручении, отвечал прямо и довольно нестандартно, особо подчеркнув важность не часто встречающейся в высокой нобелевской аудитории темы трудового человека и «необходимой возможности служить своим пером трудовому народу». Это, конечно, был новый мотив, тем более в присутствии короля. Писатель согласился, что получает Нобелевскую премию с опозданием на тридцать лет. Может быть, главный литературный пафос его нобелевской речи состоял в том, что присуждение премии является косвенно ещё одним утверждением жизненности жанра романа. Шолохов решительно высказался «против удивлявших меня выступлений, в которых форма романа объявляется устаревшей, не отвечающей требованиям современности». Он твёрдо заявил, что «роман даёт возможность наиболее полно охватить мир действительности и спроецировать на изображении своё отношение к ней и жгучим проблемам, отношения своих единомышленников».

Казалось, роман – это не самый любимый жанр массового читателя. Чересчур объёмен, переполнен персонажами, с запутанной интригой, многослоен, многоречив. Возможно, сегодня и так. Но вот в 70-е годы, когда я встречался с Шолоховым, не раз бывал в Вешенской и видел мешки писем, приходящих к писателю, то попросил у него взять на время письма, чтобы представить: о чём пишут великому писателю люди. Выяснилось: обо всём! О жилье, о дорогах, о школах, о воспитании детей, о необходимости введения буквы «ё», о памяти героев Отечественной войны, о плохих начальниках. Но что меня поразило: большинство авторов делилось своими впечатлениями от прочтения «Тихого Дона», «Поднятой целины» и «Судьбы человека». Некоторые рассказывали, как вечером собиралась вся семья, мужчины надевали белые рубахи, рассаживались по лавкам и слушали читавшего роман. Почти все хотели приобрести «Тихий Дон» для себя, для детей.

Вот так отвлечённое понятие «роман» оказалось таким близким для многих, для масс людей.

Приходилось спрашивать у Михаила Александровича несколько раз о вручении Нобелевской премии. Он с лёгким прищуром и небольшой иронией говорил о тех днях. Помню, как ездивший с ним Юрий Мелентьев, будущий министр культуры РФ, издававший Шолохова в издательстве «Молодая гвардия» (в то время работал в Комитете по печати), рассказывал, что в Стокгольме все следили, как себя будет вести советский писатель, казак. И он вёл себя достойно, уважительно, с юмором. Он ухмылялся по поводу фрака, но сшил его в Финляндии (другие брали его в аренду), произнёс высокое слово писателя о литературе. Кто-то говорил, будто он заявил, что не будет кланяться королю, «казаки никому не кланялись». Мелентьев мне сказал, что шведские газеты написали, что он поклонился по-казачьи: «все кланяются сверху вниз, а Шолохов поклонился снизу вверх». На вопрос: «Кто он сейчас – миллионер?» – Шолохов хмыкнул: «Да какой из меня миллионер, вот он (показав на Мелентьева) миллионер, все издательства у него».

Как сказано в специальном издании Международной ассоциации Нобелевского движения, М. А. Шолохов в 1965 году за роман «Тихий Дон» получил Нобелевскую премию по литературе и отдал её на строительство станичной школы. Я был в этой школе и в её стенах помогал организовывать встречу молодых литераторов, среди которых были будущие известные советские писатели В. Белов, В. Фирсов, Ю. Сбитнев, Л. Васильева (Россия), Олжас Сулейменов (Казахстан), Ю. Мушкетик (Украина), А. Айлисли (Азербайджан) и первый космонавт планеты Ю. Гагарин. Было в этом что-то символическое.

Периодически поднимались вопросы о том, что Шолохов заимствовал роман «Тихий Дон» из чужой рукописи. Поддерживал эту версию и А. И. Солженицын. Однако, когда после известного эксперимента норвежского профес-

сора Хьюсто, применившего методы компьютерного анализа текстов “Тихого Дона” и “Донских рассказов” и обнаружившего одинаковые стилистические особенности, повторяющиеся эпитеты, метафоры, Валентин Осипов, автор биографии Шолохова в серии ЖЗЛ, спросил у Александра Исаевича о том, как он относится к прежним своим высказываниям. Тот ответил: “Это теперь не актуально”. Следует напомнить, что Шолохов положительно отнёсся к первым публикациям Солженицына.

Солженицын Александр Исаевич

Его творческий путь, на мой взгляд, начинался значительно раньше, чем были опубликованы его главные произведения, ибо многие замыслы у него зарождались ещё до войны. Так, о произведении, связанном с началом Первой мировой войны, он думал до событий Второй мировой. Судьба промыслительно привела его с боями в начале 1945 года в Восточную Пруссию, где в 1914 году прошли сражения, которые надломили Русскую империю и о которых он решил написать. Там, на этой земле, он и был арестован “за антисоветскую пропаганду”. Я лично считаю, что роман А. Солженицына “Август 1914 года” является одной из самых его художественно обоснованных книг о разломе XX века, о первой беспощадной всепланетной бойне, о расколе России.

Первой прославившей А. Солженицына повестью стал “Один день Ивана Денисовича”, опубликованный в “Новом мире”. Это был художественный прорыв в тему ГУЛАГа. Солженицын был принят в Союз писателей, его рассказы “Матренин двор”, “Случай на станции Кречетовка”, “Для пользы дела” были также напечатаны в “Новом мире” и вошли в тот ряд литературы, который у нас именовался “деревенской прозой” (В. Астафьев, В. Распутин, В. Белов, Ф. Абрамов и др.).

В эти годы он пишет роман “В круге первом” и повесть “Раковый корпус”, где использует свои автобиографические материалы о пребывании в качестве работающего заключённого в марфинской “шарашке” и о лечении в ташкентской больнице. Но книги его не издаются официально и распространяются в обществе “самиздатом”.

В 1970 году Солженицыну присуждается Нобелевская премия “за нравственную силу, с которой он продолжил традицию русской литературы”. Нет сомнения, что присуждение носило антисоветский характер. Писатель был арестован и депортирован из СССР.

После Швейцарии он жил с 1976 года в США в штате Вермонт. Солженицын редко общался с представителями прессы и общественностью и прослыл “вермонтским затворником”. Как человек критического взгляда, он критиковал как советские порядки, так и американскую действительность. Помню одну из публикаций в Америке: “Алекс, ты неправ”, где ему выговаривали за критику порядков в Соединённых Штатах. За 20 лет эмиграции опубликовал большое количество произведений.

В годы “перестройки” его стали печатать и в Советском Союзе. В конце 80-х я, будучи главным редактором “Роман-газеты”, напечатал его роман “Август 1914 года” 4-миллионным тиражом.

После возвращения в Советский Союз Солженицын ни в какие общественные организации не вступил, но принял участие в работе Президиума Всемирного Русского Народного Собора, главою которого был Патриарх, и выступал по ряду важных вопросов. Помню, в частности, его твёрдую позицию по вопросу о создании и развитии русской национальной школы, который и сегодня, к сожалению, не нашёл разрешения.

Его масштабные и, как ему казалось, спасительные планы о том, “как обустроить Россию”, не были приняты ни обществом, ни руководством. Он начинает критически высказываться по поводу власти, которая ограничивает его выступления на телевидении. Он отказывается принимать высокую государственную награду из рук Президента. Собирает материалы о русской эмиграции и основывает Центр “Русское зарубежье”, где учреждает и премию собственного имени.

Нобелевская речь А. И. Солженицына, в которой он еще, по-видимому, испытывал иллюзии о том, что именно он во многом поможет изменить мировой духовный климат, конечно, не привела к этому, но была весьма ярким документом. Не мог не осудить нобелевский лауреат гулаговский мир “тмы

и холода”, из которого вырвался сам. Хотя уже тогда он заявил о сегодняшнем бесчувственном мире, о разных шкалах оценок, которые устанавливаются в разных странах. И тут он ещё раз подчеркнул, что чудо преодолеть “ущербную особенность человека” есть только в искусстве и литературе” и они “сберегают национальную душу, сохраняют историю нации”. И особенно важным для художника было высказывание А. Солженицына, что “вместе с талантом (ему) положена ответственность на его свободную волю”.

Речь Солженицына была насыщена мировоззренческой проблематикой, мрачными предсказаниями, но окончилась довольно оптимистическими словами: “Одно слово правды весь мир перевернет”, хотя в целом в речи он это не подтверждал.

Нельзя не отметить льющую на нас, писателям, мысль о том, что “писатель – последний хранитель истины”. Конечно, это подтвердили классики, но все ли современные писатели готовы к этой ответственной миссии? Хотя Солженицын видел, что, “держа в руках искусство, мы самоуверенно почитаем себя хозяевами” и, несмотря на оскверняющие его попытки (“мы его смело направляем, реформируем, продаём за деньги, угождаем сильным, обращаем для развлечения”), всё-таки “искусство уделяет нам часть своего внутреннего света”. Обратился Солженицын и к знаменитой фразе Достоевского о спасении красотой, которая вызывает и у него немало сомнений. Но лауреат твёрдо был убеждён, что “поросли Красоты” неизбежно пробьются, даже если будут задавлены ростки Истины и Добра.

Иосиф Александрович Бродский

Возможно, самой неожиданной нобелевской кандидатурой для большей части русских литераторов и для российского читающего общества была кандидатура Иосифа Бродского. Человек с определённым поэтическим даром и талантом был в годы своей юности в противоречиях с законом и властями и даже выслан из города под модным тогда обличием “за тунеядство”. Что значило для поэта это определение, неясно, ведь под него можно было подвести многих стихотворцев. Да и Иосифа трудно было упрекнуть в тунеядстве, ибо до этого он работал фрезеровщиком, истопником, моряком на маяке, рабочим в геологических партиях. Пятилетняя ссылка с этим обвинением в Архангельскую область вызвала возмущение коллег. Против этого выступала А. Ахматова, Д. Шостакович, С. Маршак, К. Паустовский и др. Бродский в ссылке время не терял: изучал в подлиннике английскую поэзию, читал многие произведения мировой литературы. Не правда ли, что это похоже на ссылку большевиков до революции (известно, что в Шушенское выписывались многие книги и журналы, и В. Ленин писал там “Развитие капитализма в России”)? Умнейшая Анна Ахматова с улыбкой, как говорят, сказала по поводу ссылки: “Кто же так поспособствовал нашему “рыжему”?” По-видимому, она имела в виду то, что народ наш всегда сочувствует преследуемым и обиженным. Этот ореол обиженного позволил Бродскому эмигрировать в США в 1972 году. Там он стал работать профессором славистики в Мичиганском университете, в других университетах (Колумбийском, Нью-Йоркском). В конце 70-х Иосиф Александрович начинает писать по-английски литературную критику и стихи. Первым прозаическим его сборником стал “Less than one” (“Меньше единицы”). Он печатается во многих литературных английских и американских изданиях, получает признание в литературных и научных кругах США, ему присваивают звание “Поэт-лауреат США” и оксфордскую премию “Hopog cause”. Как сказано в “Специальном издании Международной ассоциации Нобелевского движения 2011 г.”: “1987 год стал для поэта переломным, ибо с первой публикацией стихов поэта в “Новом мире” началось “литературное возвращение поэта на родину”.

И в том же 1987 году ему присуждается Нобелевская премия “за всеобъемлющее творчество, насыщенное чистотой мысли и яркостью поэзии”.

В Стокгольме на вопрос корреспондента, считает ли он себя русским или американцем, он ответил: “Я еврей, русский поэт и английский эссеист”. (В другом ответе: “еврей, русский поэт и американский гражданин”.)

Часть Нобелевской премии Бродский выделил на создание ресторана “Русский самовар” как центра русской культуры, где был постоянным посетителем.

Умер в Америке, похоронен в Венеции (хотя в своё время писал: “На Васильевский остров я приду умирать”).

Его Нобелевская речь была посвящена поэзии и могла показаться пессимистической, ибо он сказал, что поэтическая аудитория в обозримом прошлом едва ли насчитывала более одного процента населения. “Если это видение кажется для вас мрачным... я надеюсь, что мысль о демографическом взрыве вас несколько приободрит. И четверть от этого процента означала бы армию читателей даже сегодня”. “Я не очень уверен, — сказал поэт, — что человек восторжествует, но я совершенно убежден, что над человеком, читающим стихи, труднее восторжествовать, чем над тем, кто их не читает”.

Окончил свое слово поэт таким образом: “Конечно, это чертовски окольный путь из Санкт-Петербурга в Стокгольм (Имеется в виду стокгольмский зал Нобелевских премий. — В. Г.), но для человека моей профессии представление, что прямая линия — кратчайшее расстояние между двумя точками, давно утратило свою привлекательность. Поэтому мне приятно узнать, что в географии тоже есть своя высшая справедливость”.

* * *

Конечно, трудно обвинить Нобелевский комитет в том, что он избрал не тех, не лучших представителей литературы страны. У каждого из академиков свои представления о литературе той или иной страны, они принимают во внимание мнение тех или иных экспертов, но вряд ли можно поручиться за их исчерпывающую полноту.

Но многие в России, конечно, удивляются, что поэты народного, традиционного склада оказались вне внимания Нобелевского комитета. Вряд ли такими всенародно любимыми поэтами, как Сергей Есенин, Александр Твардовский с его “Василием Тёркиным”, Нобелевский комитет заинтересовался бы.

Ну а когда в 2011 году от Тихого океана до Балтики прошли вечера Николая Рубцова, то можно было бы согласиться, что такой многомиллионной славе многие нобелевские лауреаты и позавидовали бы. Можно, конечно, утверждать, что поэзия тонкий инструмент и она не измеряется количеством изданных книг и даже читателей, но то, что подлинная поэзия является поэзией национальной, становясь в лучших своих образцах достоянием мировой классики, с этим, наверное, трудно спорить.

Думаю, что Нобелевская премия, с каким бы пиететом к ней ни относились, не может одна определять уровень и качество мировой литературы. Она может быть явлением для одного человека, приносить радость его поклонникам и одновременно обращать внимание мирового сообщества на имя, возможно, направление, возобновлённый или забытый жанр литературы, образец человеческого поведения. Но во всех случаях это событие, к которому приковано внимание широкой культурной общественности.

И ещё об одной странице, связанной с Нобелевской премией, к которой я имел прямое отношение. В 2007 году я как председатель Союза писателей России получил письмо от ответственного секретаря Нобелевского комитета из Стокгольма, который просил меня внести предложение о кандидатуре русского писателя и его выдвижении в лауреаты Нобелевской премии. Честно говоря, я подивился любезности Нобелевского комитета, но, попросив уточнить требования к выдвигающим кандидатов, увидел, что Нобелевский фонд позволяет это делать: 1. Членам Шведской академии, других академий, институтов и обществ с аналогичными задачами и целями; 2. Профессорам истории литературы и языкознания университетов; 3. Лауреатам Нобелевских премий в области литературы; 4. Председателям авторских союзов, представляющих литературное творчество в соответствующих странах. Я посчитал, что вполне могу представить кандидатуру русского писателя на основе пункта № 4. Я собрал секретариат Союза писателей России и обратился с вопросом: кого бы вы представили на соискание Нобелевской премии в области литературы от России? Вначале этот вопрос показался моим коллегам скорее ироничным, чем серьёзным. Но потом, когда я показал им официальное письмо из Шведской академии наук, все единогласно высказались: Валентин Распутин! Действительно, это самый известный писатель в стране, писатель, который обо-

значил новое и в то же время самое традиционное направление русской литературы, литературы нравственной, литературы трудностей, забот и надежд простого человека. Она принимала разные названия во второй половине XX века: “деревенская”, “почвенническая”, литература совести, предостережения.

Его произведения “Деньги для Марии”, “Последний срок”, “Живи и помни”, “Прощание с Матерой” говорили о надвигающейся беде и трагедии, о потере нравственности, устремлении к наживе, алчности, которые и охватили наше общество “пожаром” из одноимённого его произведения.

Экологическая, нравственная катастрофа нахлынула на символическую Матеру, затопила могилы предков, вымыла память. “Истончилась совесть у людей”, – писал Распутин в повести “Живи и помни”. Многие он предугадал, многое запечатлел в драматической повести “Дочь Ивана, мать Ивана”, широко известной у нас и ставшей лучшей книгой переводов в полуторамиллиардном Китае.

Распутин – выдающийся мастер русского языка, выразитель национального духа. Я уже не говорю о его постоянной сибирской теме – Байкале, которому он отдал много страсти, мысли и слов. Он и сам стал подлинным символом Байкала, защищая его не шаманским бубном, а молитвенным защитным словом. Чистая пресная вода Байкала – символ выживания всего человечества.

Мы отослали в Нобелевский комитет представление Союза писателей (на английском языке), библиографию изданий Распутина и другие сопутствующие материалы. Через два месяца мы получили письмо, подписанное секретарем Нобелевского комитета, с благодарностью за материалы и ответом, что наше предложение принято к рассмотрению.

После этого ответа я посчитал возможным обратиться к Александру Исаевичу Солженицыну и рассказать о нашей переписке. Солженицын с радостью узнал об этом, он с уважением относился к писателю Распутину, которому уже вручил премию своего имени, и сказал мне: “Я напишу своё представление. Пришлите мне тот текст, который вы отослали”.

Через несколько дней он сказал, что отослал письмо о выдвижении, и в продолжение разговора высказал интересную и важную мысль: “Мне кажется, что пришло время, когда они готовы дать премию русскому писателю”.

Министерство культуры России, узнав о нашей инициативе, подготовило и послало в Стокгольм обширные библиографические и переводные материалы. И вопрос рассматривался не раз. Однако Александр Исаевич умер в августе 2008 года. Мы считаем его письмо фактическим завещанием Солженицына.

К сожалению, вопрос о русском писателе тогда не был решён положительно. Но мы убеждены, что история Нобелевских премий в области литературы для писателей России ещё не закончилась.